

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И УСЛУГИ ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Данное исследование направлено на изучение социального неравенства в области дошкольного образования и услуг по уходу за детьми в постсоветской России. Особое внимание уделено трансформации неравенства в соответствующей сфере в период с 1994 по 2012 гг. Изменения в характере неравенства рассматриваются на фоне формирования хронического дефицита на рынке услуг дошкольного образования и услуг по уходу за детьми, а также тенденций государственной социальной политики. Эмпирический анализ выполнен на материалах Российского мониторинга экономики и здоровья населения (RLMS-HSE) с 1994 по 2012 гг. Результаты исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на формальную общедоступность государственного дошкольного образования в постсоветской России, в стране поддерживается высокое неравенство доступа к соответствующим услугам. И хотя это неравенство постепенно сокращалось за счет расширения участия в системе наименее благополучных семей, параллельно усиливалась дифференциация, связанная с общими затратами домохозяйств на услуги по воспитанию и уходу за детьми. Определенные устойчивые формы неравенства также были обнаружены в отношении потребления неформальных услуг, предоставляемых как внутри домохозяйства, так и в индивидуальном порядке на частной основе.

Юлия Косякова (автор, ответственный за переписку) — доктор социологии, старший научный сотрудник отдела международных сравнений и европейской интеграции, Институт исследований занятости (IAB), Нюрнберг, Германия (yuliya.kosyakova@iab.de)

Yuliya Kosyakova (corresponding author) — Dr. (Sociology), Senior Researcher at the International Comparisons and European Integration department, Institute for Employment Research (IAB), Nuremberg, Germany (yuliya.kosyakova@iab.de)

Гордей Ястребов — кандидат социологических наук, аспирант Европейского университета во Флоренции, Италия, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, НИУ ВШЭ, Москва (gordey.yastrebov@gmail.com)

Gordey Yastrebov — candidate of Sciences (PhD in Sociology), PhD Candidate at the European University Institute, Florence, Italy, senior researcher at Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist Development, NRU HSE, Moscow (gordey.yastrebov@gmail.com)

Ключевые слова: дошкольное образование, изменения социальной политики, формальная и неформальная системы по уходу за детьми, социальное неравенство, Россия.

Введение

В данном исследовании мы ставили перед собой задачу выяснить, как социальное неравенство в постсоветской России материализуется на самом раннем этапе жизненного пути, а именно — в форме неравного доступа к услугам дошкольного образования и услугам по уходу за детьми. При этом в контексте межстрановых сравнений, которые составляют ядро проекта *eduLIFE*, Россия представляет собой крайне интересный объект для анализа не только благодаря своей институциональной специфике и культурным особенностям, но и в целом в силу высокой динамики структурных и институциональных изменений, потенциально влияющих на формирование стратегий семей в соответствующей сфере и способствующих (или, наоборот, препятствующих) кристаллизации социального неравенства. В числе наиболее важных из этих изменений мы выделяем следующие: формирование хронического дефицита на рынке услуг дошкольного образования и услуг по уходу за детьми, повлекшее за собой усиление конкуренции между домохозяйствами; усиление дифференциации соответствующих услуг по качеству и укорененность практики неформальных платежей в государственных учреждениях дошкольного образования; а также общие изменения в государственной социальной политике, касающейся семей с детьми.

Динамический аспект анализа — анализ изменений — является важным новшеством данной работы по отношению к уже существующим исследованиям, так или иначе обращавшимся к похожей проблематике. Имеющиеся исследования, которые опираются на масштабные репрезентативные обследования домохозяйств, позволяют зафиксировать ситуацию лишь в статике за отдельные весьма непродолжительные периоды (Lokshin 2004; Савицкая 2005; Новожилова, Рощина 2009; Сухова 2011). Впрочем, похожие ограничения свойственны также ряду исследований, основанных на применении качественных методов анализа (Градскова 2010; Чернова, Шпаковская 2010; Шпаковская 2015). Обобщение результатов этих исследований, безусловно, позволяет выявить ряд общих закономерностей в том, как стратегии семей в области дошкольного образования и ухода за детьми дифференцированы в зависимости от социально-экономического положения, однако в силу существенных различий в методологии сбора и анализа с их помощью нельзя провести

обоснованное сравнение тенденций за разные периоды. Данное исследование стремится восполнить обозначенный дефицит благодаря использованию относительно однородных данных, позволяющих охватить существенно более длительный период, чем тот, что ранее был представлен в имеющейся литературе. В нем также более или менее эксплицитно выделены отдельные периоды, характеризующиеся принципиальными различиями в ситуации на рынке услуг дошкольного образования и характере государственной социальной политики. Кроме того, мы стремились задействовать весь потенциал имеющихся в нашем распоряжении данных, рассмотрев не только различные стратегии семей в соответствующей сфере (формальные и неформальные услуги), но также различия в сопутствующих финансовых и временных затратах. Для этих целей мы использовали данные Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ) за 1994–2012 гг.

Дошкольное образование в постсоветской России: ключевые особенности и изменения

Благодаря своей доступности и всеохватности, система дошкольного образования и воспитания, существовавшая в советской России, некогда считалась одной из самых развитых в мире. Эта система была выстроена в соответствии с идеологическими и экономическими целями социалистического общества. Экономическая цель состояла в том, чтобы обеспечить дополнительный приток рабочей силы в социалистическую экономику, предоставив женщинам больше возможностей для участия в трудовой сфере. Идеологическая цель состояла в том, чтобы, с одной стороны, уравнивать женщин с мужчинами в праве на труд, а с другой, чтобы способствовать ранней социализации и образованию детей в рамках единой социалистической парадигмы (Taratukhina et al. 2007).

Однако провал социалистической модели государства и последовавший за этим переход к рыночной экономике привел не только к глубокому парадигмальному сдвигу в системе дошкольного образования и воспитания в постсоветской России, но также — к масштабным институциональным и структурным изменениям, радикально преобразившим данную сферу. Впрочем, новое равновесие, достигнутое системой в результате рыночных реформ, было относительно временным, поскольку процессы и реформы, развернувшиеся в последующий период, также способствовали ее дальнейшему преобразованию. В связи с этим рассматривать весь постсоветский период как период, характеризующий всю систему в целом, представляется нам не совсем правильным, и ниже

мы постараемся коротко обозначить ключевые вехи, отражающие динамику системы с начала 1990-х гг.

Также важно заметить, что наш анализ и оценка ситуации в целом основаны на ряде базовых предпосылок, характеризующих отношение семей и государства к дошкольному образованию в постсоветской России и в какой-то степени являющихся инвариантными по отношению к произошедшим институциональным и структурным изменениям. Во-первых, российские семьи крайне высоко ценят услуги дошкольного образования, причем не столько за их прагматическую функцию, позволяющую родителям сохранить рабочее место и трудовой заработок, сколько за ориентацию на раннее развитие и социализацию ребенка (Савицкая 2005; Новожилова, Рощина 2009). Во-вторых, государство в России, по крайней мере, официально гарантирует общедоступность дошкольного образования для всех желающих. В частности, с этой целью оно берет на себя значительную часть стоимости обслуживания детей в государственных дошкольных образовательных учреждениях*. В связи с этим негосударственные формы дошкольного образования или ухода за детьми (например, частные услуги и / или помощь родственников) являются для российских семей заведомо менее предпочтительными альтернативами, поскольку они сопряжены с существенными финансовыми и временными затратами со стороны домохозяйств и / или лишены образовательной и социализирующей компоненты.

Наш основной аргумент состоит в том, что высокая привлекательность государственного дошкольного образования, с одной стороны, и формальные гарантии его общедоступности, с другой, таят в себе ключевые риски для усиления социального неравенства в доступе к соответствующим услугам. Так, в ситуации острого дефицита, который со стороны спроса может быть спровоцирован, например, демографическими факторами, а со стороны предложения — финансовыми возможностями государства, резко возрастает конкуренция между семьями за доступ к дошкольному образованию и, следовательно, усиливаются мотивы для мобилизации имеющихся в распоряжении семей социально-экономических ресурсов. В свою очередь, относительное снижение или повышение доступности приоритетного блага, которым в данном случае является дошкольное образование, может приводить к переформатированию стратегий в отношении альтернативных форм образования и ухода за

* Уровень компенсации может варьироваться от 80 до 100 % в зависимости от социальной категории семей.

детьми. Соответственно, ключом к пониманию того, как трансформировалось неравенство в соответствующей сфере, является внимательное отношение к факторам, определяющим спрос и предложение в отношении формального дошкольного образования. Как будет показано ниже, на протяжении всего постсоветского периода эти факторы находились в постоянном движении, причем зачастую разнонаправленном.

Наконец, прежде чем перейти к непосредственному описанию российского контекста, поясним принятый в исследовании подход к классификации услуг дошкольного образования и услуг по уходу за детьми. Под формальными услугами мы понимаем услуги, предоставляемые на профессиональной основе государственными или негосударственными организациями, т. е. в детских садах, яслях или других учреждениях подобного типа. Впрочем, отметим, что подавляющий объем услуг дошкольного образования в России предоставляется государственными учреждениями — эта характеристика данной сферы остается неизменной на протяжении всего постсоветского периода*. К неформальным услугам мы относим любые услуги по воспитанию и уходу, предоставляемые в индивидуальном порядке. В свою очередь, этот тип услуг может быть подразделен на услуги, предоставляемые внутри домохозяйства, т. е. родственниками, и услуги, предоставляемые другими людьми, т. е. сиделками или гувернантками, нанимаемыми в частном порядке.

Контекст формального дошкольного образования

Общее представление о том, как менялась ситуация в сфере дошкольного образования в постсоветской России, дают данные государственной статистики. Для наглядности динамика наиболее характерных показателей представлена на рис. 1. Как видно, особенно резкое сжатие сеть дошкольных образовательных учреждений претерпела в 1990-е гг. Отчасти это можно объяснить затяжным экономическим кризисом, в результате которого значительно сократились финансовые возможности государства, а также многих крупных предприятий, на попечении которых в период социализма находилась существенная часть дошкольных организаций. В частности, вынужденная оптимизация системы дошкольного образования привела к практически полному исчезновению

* Предложение соответствующих услуг частными организациями на протяжении всего постсоветского периода оставалось крайне низким, и на данный момент не более 1 % от общего числа детей, находящихся в дошкольных образовательных организациях, посещает именно частные учреждения (Образование в Российской Федерации 2014: 220).

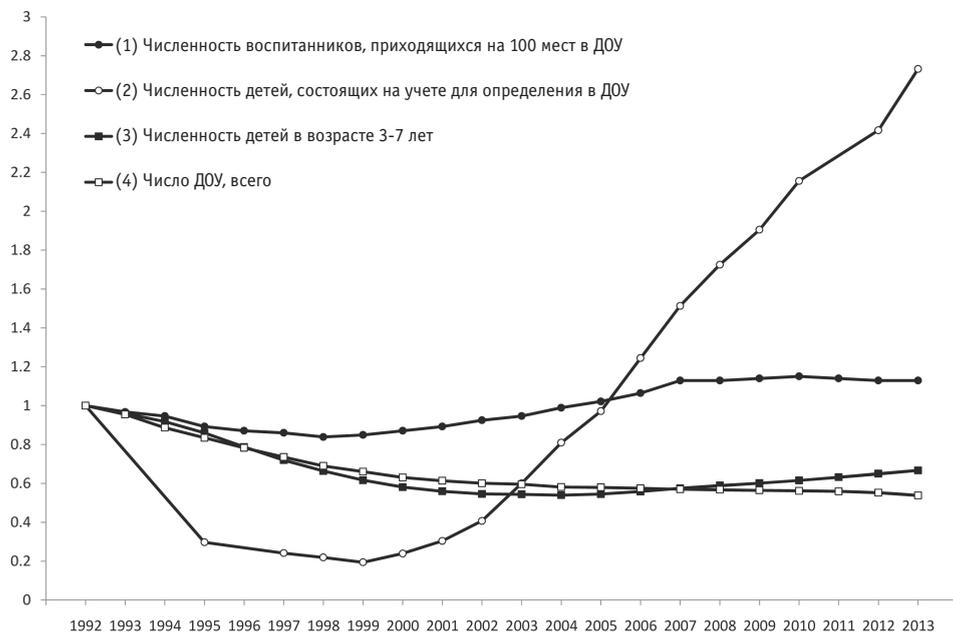

Рис. 1. Относительные изменения отдельных показателей, характеризующих систему дошкольного образования в России в 1992–2013 гг.

Примечание: График описывает изменения различных показателей по отношению к значениям 1992 г.

Источник: Официальные статистические сборники Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru).

ясель, обеспечивавших уход за детьми в возрасте до 3 лет. В то же время параллельно с этим разворачивался демографический кризис: в 1990-е гг. в России резко снизилось число рождений и, как следствие, сокращалась потребность в услугах по уходу за детьми. Оба процесса — сокращение предложения и снижение спроса — таким образом, разворачивались относительно синхронно, в результате чего, несмотря на общий неблагоприятный фон, на рынке соответствующих услуг поддерживалось определенное равновесие.

Однако в конце 1990-х гг. ситуация начала радикально меняться. В результате улучшения демографической ситуации в стране естественным образом начал увеличиваться спрос на услуги по воспитанию детей и уходу за детьми. В то же время, несмотря на некоторое замедление, сокращение числа дошкольных образовательных учреждений продолжилось в 2000-е гг. В результате этого дошкольное образование,

несмотря на официальные гарантии государства, превратилось в поистине дефицитное благо, о чем свидетельствует не только растущая переполненность дошкольных образовательных учреждений, но и растущая очередь из детей, состоящих на учете для определения в детские сады (см. также рис. 1).

Как известно, в ситуации дефицита обостряется конкуренция между потребителями, и преимущества в этой конкуренции получают те, кто готов пойти на большие «жертвы» ради того, чтобы получить доступ к дефицитному благу. Применительно к ситуации с дошкольным образованием это означает, что семьи, располагающие большими ресурсами, потенциально имеют больше возможностей для того, чтобы обеспечить доступ детей в дошкольные образовательные учреждения. С одной стороны, этому должна препятствовать формальная приверженность государства принципу «общедоступности» дошкольного образования. Однако едва ли не исключительной особенностью России на фоне других развитых стран является многократно отмечавшийся исследователями феномен пренебрежения к формальным правилам (Levin, Satarov 2013; Nedlund 2013). Этот феномен находит свое отражение в многочисленных фактах «мелкой коррупции» и неформальных платежей, пронизывающих российскую социальную систему. В ситуации с дошкольным образованием это практикуется как в форме взяток за прием в интересующие образовательные учреждения, так и в менее очевидной форме неформальных взносов и / или подарков воспитателям и учителям (Савицкая 2005; Новожилова, Рощина 2009; Градскова 2010; Чернова, Шпаковская 2010; Шпаковская 2015). В условиях резкого социального расслоения, характерного для постсоветской России, распространенность подобного типа практик значительно увеличивает риски неравенства в доступе к дефицитному дошкольному образованию.

Контекст социальной политики

Очевидно, что характер неравенства на рынке дошкольных образовательных услуг и услуг по уходу за детьми также в значительной степени зависит от характера проводимой государством социальной политики в отношении семей с детьми. Модель социальной политики, которая сложилась в России в 1990-е гг., в первую очередь предполагала отказ от множества социальных гарантий, характерных для советского периода, что в целом соответствовало принятому страной жесткому неолиберальному экономическому курсу и ориентации на повышение гибкости рынка труда. Однако, несмотря на исходно радикальный поворот, новая

модель все же унаследовала ряд мер, характерных для прежней системы. Необходимость в сохранении этих мер была обусловлена острым демографическим кризисом в сочетании с резко сузившимися возможностями государства по поддержанию системы дошкольного образования (по крайней мере, в том объеме, который обеспечивался в советской России). В сложившейся ситуации, чтобы хоть в какой-то мере препятствовать резкому снижению числа рождений, государство было вынуждено пойти на сохранение социальных гарантий, связанных с рождением детей и обеспечением соответствующего ухода. В частности, за родителями было сохранено право на длительный (до 3-х лет) отпуск по уходу за ребенком с гарантией восстановления на прежнем рабочем месте. Таким образом предполагалось компенсировать нехватку институциональных условий, обеспечивающих надлежащий уход и присмотр за детьми, т. е. фактически переложить эту функцию с системы дошкольного образования на семью (Терлова 2007). Впрочем, сопряженные с этим материальные компенсации семьям едва ли можно было назвать «щедрыми» — поскольку 100%-ная компенсация заработка распространялась только на время отпуска по беременности и родам, тогда как все последующие выплаты были крайне незначительными (10–15 % заработка, причем только в течение первых полутора лет отпуска по уходу за ребенком). Дополнительное время, которое родители могут потратить на уход за детьми и их воспитание, действительно представляет собой крайне ценный ресурс, однако важно понимать, что для определенного типа семей возможность воспользоваться соответствующей гарантией может быть заблокирована недостаточно прочным социально-экономическим положением. Это означает, что основным бенефициаром такой половинчатой социальной политики являются не все семьи, а потенциально лишь те, для которых гарантия восстановления на рабочем месте после длительного отпуска по уходу за ребенком имеет существенно большее значение, чем незначительная материальная компенсация, т. е., вероятнее всего, относительно благополучные семьи.

В 2000-е гг. на фоне существенного улучшения экономической ситуации в стране в российской социальной политике произошли важные изменения, которые, по большому счету, закрепили ее пронаталистский характер. Эти изменения привели к существенному повышению материальных компенсаций, связанных с рождением детей. В 2006 г. до 5 месяцев была продлена 100%-ная компенсация заработка во время отпуска по беременности и родам и до 40 % доведена компенсация на период полуторалетнего отпуска по уходу за ребенком. В дополнение к этому

в 2007 г. была принята широко известная сегодня в России программа материнского (или семейного) капитала, предполагающая выделение единовременных целевых субсидий матерям в связи с рождением (или же усыновлением) второго и последующих детей. Целевой характер субсидий предполагает, что они могут быть израсходованы исключительно на определенные цели (например, улучшение жилищных условий, образование детей, медицинское обслуживание или увеличение пенсионных накоплений матери). Однако даже с учетом строго регламентированного перечня затрат выделяемая государством сумма является достаточно ощутимой на фоне среднестатистического семейного бюджета в России — в 2007 г. размер субсидии был установлен на уровне 250 тыс. рублей (с предусмотренной индексацией этой суммы в последующие годы), что более чем в 18 раз превышало средний уровень заработной платы по стране*.

Повышение материальных компенсаций, связанных с рождением и воспитанием детей, в 2000-е гг. представляет собой важную меру социальной политики, особенно в контексте половинчатых социальных гарантий, предоставлявшихся российским семьям в 1990-е гг. Если в 1990-е гг. только определенная часть российских семей в действительности могла воспользоваться возможностью длительных отпусков для того, чтобы обеспечить дополнительный уход за детьми и их воспитание в домашних условиях, то после 2006 г. соответствующие социальные гарантии стали относительно более доступными и для менее обеспеченных домохозяйств. Кроме того, смягчение бюджетных ограничений, обусловленное повышением материальных компенсаций, потенциально могло облегчить доступ к услугам по уходу за детьми и услугам дошкольного образования, предоставляемым на платной основе.

Гипотезы

Суммируя все вышесказанное, мы сочли целесообразным выделить три ключевых этапа, гипотетически характеризующих эволюцию ситуации с социальным неравенством в дошкольном образовании и воспитании детей в постсоветской России. Первый этап охватывает 1990-е гг. и завершается приблизительно на рубеже 1999–2000 гг. Наиболее характерными чертами этого периода являются наличие определенного (пусть

* По официальным данным государственной статистики, в 2007 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в России составляла 13,6 тыс. рублей.

и стабильного) дефицита на рынке услуг государственного дошкольного образования и несбалансированность социальной политики. В условиях характерного для постсоветской России социального расслоения уже на этом этапе мы рассчитывали обнаружить существенное социальное неравенство в стратегиях семей в отношении организации ухода за детьми и их дошкольного образования. Следующий за этим период можно условно ограничить 2006 г., его ключевой особенностью является резко растущий дефицит на рынке услуг государственного дошкольного образования при относительной неизменности социальной политики. В этой связи наиболее ожидаемым развитием событий нам представлялось усиление неравенства доступа к институциональным формам дошкольного образования. Наконец, после 2006 г. в связи с предпринятыми государством мерами по балансированию социальной политики мы ожидали увидеть некоторое смягчение социального неравенства, причем не только в отношении институциональных форм дошкольного образования, но и в отношении альтернативных стратегий организации воспитания и ухода за детьми.

Данные и методология

Как уже было отмечено во введении, наш анализ строится на данных Российского мониторинга экономики и здоровья населения (также известного по аббревиатуре RLMS-HSE). Мы использовали данные волн, охватывающих период наблюдений с 1994 по 2012 гг. Аналитическая выборка представляет собой выборку детей в возрасте до 7 лет (имеется в виду возраст на момент сбора информации в рамках каждой из используемых волн). Для анализа стратегий в сфере дошкольного образования, воспитания и ухода за детьми мы смогли использовать следующую информацию опросников RLMS, доступную за весь указанный период: сам факт использования тех или иных услуг (посещение дошкольного учреждения, уход, непосредственно обеспечиваемый родителями, и уход, обеспечиваемый лицами, не являющимися членами домохозяйства), частота и интенсивность их потребления, а также общие расходы домохозяйства, связанные с обеспечением дошкольного образования или оплаты услуг по уходу за детьми (к сожалению, опросники не позволили выделить затраты на отдельные виды услуг — лишь общие затраты домохозяйства). С помощью средств регрессионного анализа перечисленные характеристики моделировались как функции от социально-экономического положения семьи (на основе ISEI — Международного социально-экономического индекса профессий, см. Ganzeboom, De Graaf, Treiman 1992).

Подробное описание данных, используемых переменных, инструментов и процедуры анализа в целом содержится в оригинальной главе, отражающей результаты исследования (Kosyakova, Yastrebov, в печати).

Основные результаты и выводы

В первой части нашего анализа мы рассматривали то, как от социально-экономического положения семей зависит участие в формальном дошкольном образовании. Результаты нашего анализа показали, что дети из более благополучных семей посещают дошкольные образовательные учреждения чаще, чем их сверстники из менее благополучных семей. Однако рассмотрев ситуацию в динамике, мы выяснили, что доступность формального дошкольного образования для семей, занимающих более низкое социально-экономическое положение, постепенно увеличивалась на протяжении всех трех выделенных нами периодов. При этом ситуация в отношении наиболее благополучных групп населения оставалась неизменной. Таким образом, наше исходное предположение о том, что рост дефицита соответствующих услуг в конце 1990-х — начале 2000-х гг. должен был стимулировать конкуренцию между домохозяйствами и, как следствие, усилить неравенство доступа, не подтвердилось. Впрочем, мы допускаем, что количественный аспект неравенства (общий охват детей услугами формального дошкольного образования) мог также трансформироваться в качественный (связанный с дифференциацией самих образовательных учреждений), однако имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют в точности ответить на этот вопрос. С другой стороны, косвенно на это может указывать дифференциация общих расходов семей на услуги дошкольного образования (которые могут включать как формальные, так и неформальные затраты — используемые данные не позволяют развести эти два типа затрат), в отношении которой мы зафиксировали отчетливую тенденцию к росту, в особенности в более поздние 2000-е гг.

Также в ходе анализа была установлена крайне любопытная закономерность — интенсивность потребления услуг формального дошкольного образования (т. е. количество дней и времени пребывания в соответствующих учреждениях) в целом отрицательно связана с социально-экономическим положением семьи. Таким образом, несмотря на высокую ценность соответствующих услуг для более благополучных семей (см. выше), посещение дошкольных образовательных учреждений не является для них единственным элементом стратегий, связанных с воспитанием и развитием ребенка. Вполне возможно, что имеющиеся

в их распоряжении ресурсы (в том числе ресурс времени) открывают доступ к альтернативным формам услуг. И наоборот, для менее благополучных семей формальное дошкольное образование зачастую представляет собой полноценную услугу, альтернативы которой являются для них слишком затратными. В то же время из-за высокого уровня статистической неопределенности в применявшихся нами моделях мы не можем в точности констатировать, как менялась (и изменилась ли) ситуация за отдельные периоды.

В том, что касается стратегий семей в области неформальных услуг по уходу за детьми и их воспитанию, наш анализ показал следующее. Услуги, предоставляемые внутри домохозяйств (т. е. родителями или ближайшими родственниками), чаще всего задействуются менее благополучными семьями, в то время как семьи, занимающие более высокое положение, предпочитают этим услугам услуги формального дошкольного образования и / или услуги, предоставляемые в индивидуальном порядке на частной основе. С одной стороны, этот факт поддается объяснению в рамках экономической теории домохозяйства — альтернативными издержками самостоятельного ухода за детьми является упущенный доход от трудовой деятельности, и, следовательно, для родителей, занимающих высокое социально-экономическое положение, более рациональной стратегией является аутсорсинг соответствующих услуг. С другой стороны, менее обеспеченные семьи зачастую просто не имеют других альтернатив — как уже было замечено выше, они так или иначе проигрывают конкуренцию за дефицитные места в дошкольных образовательных учреждениях, и у них недостаточно ресурсов для того, чтобы обеспечить частный уход. При этом следует отметить, что в динамике ситуация с потреблением неформальных услуг по уходу и воспитанию детей не претерпела каких-либо существенных изменений на протяжении рассмотренного периода, что свидетельствует о слабой чувствительности данной сферы к мерам государственной социальной политики.

О чем говорят представленные результаты и чем поучителен российский случай в контексте стран, представленных в 4-й фазе проекта *eduLIFE*? На наш взгляд, удивительный парадокс постсоветской России состоит в том, что, несмотря на формальную общедоступность государственного дошкольного образования, в стране поддерживается высокое неравенство доступа к соответствующим услугам. Нам представляется, что этому в значительной степени способствует сложившийся в стране дефицит на рынке соответствующих услуг, который подстегивает конкуренцию среди домохозяйств. Однако сам по себе дефицит не является

достаточным условием для кристаллизации неравенства, поскольку относительное равенство доступа к услуге вполне может обеспечиваться на институциональном уровне, т. е. через поддержание единых для всех критериев зачисления в дошкольные учреждения. В связи с этим следует признать, что в этом отношении в российском дошкольном образовании имеют место очевидные дисфункции. И хотя использованные нами данные не позволяют зафиксировать эту ситуацию напрямую, установленный нами общий факт ярко выраженного неравенства в целом согласуется со свидетельствами, которые были получены в ряде других исследований и которые говорят о высокой роли неформальных практик в регулировании доступа к государственному дошкольному образованию (Савицкая 2005; Новожилова, Рощина 2009; Градскова 2010; Чернова, Шпаковская 2010; Шпаковская 2015).

Российский случай представляется поучительным и в другом отношении. Анализируя ситуацию в динамике, мы отметили определенную тенденцию к снижению неравенства и повышению доступности формального дошкольного образования для менее благополучных семей, что, безусловно, является позитивной тенденцией. В то же время наш анализ также показал, что на фоне приближения к формальному равенству участия в дошкольном образовании в России существенно выросла дифференциация, связанная с затратами домохозяйств на услуги по уходу за детьми и их воспитанию. Как нам представляется, данная ситуация хорошо иллюстрирует то, как социальная система с высоким уровнем социального неравенства, к числу которых, без сомнения, относится постсоветская Россия, реагирует на процессы, угрожающие устоявшимся стратегиям социального воспроизводства. Впрочем, сказанное отнюдь не означает, что любые меры социальной политики, направленные на снижение социального неравенства и поддержание социальной справедливости, заведомо обречены на провал и потому лишены смысла. И чтобы убедиться, что это не так, достаточно внимательно ознакомиться с коллекцией исследований *eduLIFE*, в которой немало примеров стран, достигших убедительных успехов на ниве борьбы с неравенством.

Перевод с английского Е.С. Павленко

Литература

Градскова Ю. Когда отдавать ребенка в детский сад и платить ли воспитателю? Родительство, гендер и учреждения // *Лабораториум. Журнал социальных исследований*, 2010, 3: 44–58.

Образование в Российской Федерации 2014: статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2014.

Новожилова М., Рощина Я. Потребление услуг детских дошкольных учреждений. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

Овчарова Л., Бирюкова С., Попова Д., Варданян Е. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: ГУ-ВШЭ, 2014.

Савицкая Е. Детское дошкольное образование: экономический аспект. Информационный бюллетень, Москва, ГУ-ВШЭ, 2005.

Сухова А.С. Услуги по уходу за детьми: масштабы и факторы потребления российскими семьями // *Журнал исследований социальной политики*, 2011, 9(4): 473–94.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Лабораториум. Журнал социальных исследований*, 2010, 3: 19–43.

Шпаковская Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // *Журнал исследований социальной политики*, 2015, 13(2), 211–24.

Ganzeboom H.B.G., De Graaf P.M., Treiman D.J. (1992) A Standard International Socio-Economic Occupational Status Index with an Appendix. *Social Science Research*, 21: 1–56.

Hedlund S. (2013) *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science. Approaches to Understanding Systemic Failure*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kosyakova Y., Yastrebov G. (forthcoming) Early education and care in Post-Soviet Russia: Social policy and inequality patterns, in: Blossfeld H.-P., Kulic N., Skopek J., Triventi M. (eds.). *Childcare, Early Education and Social Inequality. An International Perspective*. Helttenham, UK and Northampton, USA: Edward Elgar.

Levin M.J., Satarov G.A. (2013) Russian Corruption, in: M. Alexeev and S. Weber (eds.). *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, New York: Oxford University Press: 286–309.

Lokshin M. (2004) Household Childcare Choices and Women's Work Behaviour in Russia. *The Journal of Human Resources*, 39(4): 1094–115.

Rivkin-Fish M. (2010) Pronatalism, Gender Politics, and the Renewal of Family Support in Russia: Toward a Feminist Anthropology of "Maternity Capital". *Slavic Review*, 69(3): 701–24.

Slonimczyk F., Yurko A. (2014) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*, 30: 265–281.

Szmaragd C., Clarke P., Steele F. (2013) Subject specific and population average models for binary longitudinal data: a tutorial. *Longitudinal and Life Course Studies*, 4(2): 147–65.

Taratukhina M.S., Polyakova M.N., Berezina T.A., Notkina N.A., Sheraizina R.M., Borovkov M.I. (2007) Early Childhood Care and Education in the Russian Federation.

Background paper prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2007, Strong Foundations: Early Childhood Care and Education, 2007/ED/EFA/MRT/PI/29, UNESCO: 1–31.

Теплова Т. (2007) Welfare State Transformation, Childcare, and Womens Work in Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 14(3): 284–322.